

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI—XVIII вв.

Проф. Г. Кокиев

Кабардинцы относятся к черкесскому племени, которое было известно греческим и римским писателям под названием зихов¹. В древности зихи населяли азово-черноморское побережье. По сведениям генуэзца Георгия, в 1504 г. побывавшего на Западном Кавказе, владения зихов, или черкесов², простирались от Дона до Риона по азово-черноморскому побережью и непосредственно граничили с абхазами³.

В средние века, по сведениям византийских писателей, одно из черкесских племён, известное у Константина Багрянородного под названием кабаров, или кабардов⁴, передвинулось на восток и заняло нынешнюю территорию Большой Кабарды — от Кубани до Бештау, или Пятигорья.

В XIII—XV вв. кабардинцы вели оживлённую торговлю с итало-генуэзскими торговыми факториями, располагавшимися по азово-черноморскому побережью — от Азова до Сухуми. Здесь насчитывалось свыше 40 итало-генуэзских колоний, среди которых наиболее значительными были Азов, Сухуми, Копа и Матрега. Последняя находилась на Таманском полуострове и служила ещё в период существования Тмутараканского русского княжества важнейшим торгово-политическим центром для всего Западного Кавказа.

Судьба итало-генуэзских колоний на азово-черноморском побережье решилась захватом Константинополя турками в 1453 г. и усилением влияния последних на Западном Кавказе.

В 1475 г. турки завоевали Каффу, которая являлась крупным торгово-политическим центром Генуи. По приказанию турецкого султана Магомета II, около 14 тыс. итальянцев, захваченных в Каффе, были записаны в турецкую армию, 300 итальянских купцов казнены, а город с населением в 60 тыс. жителей разграблен и разрушен до основания. Среди пострадавших в Каффе торговых людей немало было, повидимому, и русских купцов. Во всяком случае, русская летопись свидетельствует, что в 1475 г. «туркове взяша Каффу и гостей московских много побиха, а иных поймаша, а иных пограбив, на откуп даваша»⁵.

После захвата Константинополя и ликвидации итальянских колоний на азово-черноморском побережье турки начали длительную борьбу за усиление своего влияния на территории кабардино-черкесов, среди которых культурно-политическое влияние русских было весьма сильным. По

¹ Латышев в «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Т. I. Вып. I-й, стр. 130. СПб. 1893.

² Некоторые авторы термин «черкес» выводят из персидского языка и сближают его с термином «сер-кеш», что значит «мятежник» (см. «Путешествие Дюбуа де Монпере» в «Библиотеке для чтения». Т. 35—36, стр. 126. СПб. 1839; ср. Эйхвальд «Страбоновы известия о Кавказе и Южной России» в «Библиотеке для чтения». Т. 30, стр. 147. СПб. 1838; ср. «Русский вестник». Т. 48, стр. 846. М. 1863).

³ Кубанский сборник. Т. 5. Екатеринодар. 1899; ср. «Залески Русского географического общества по отделению этнографин». Т. 2, стр. 731. СПб. 1859.

⁴ Сочинения Константина Багрянородного о «фемах» и «народах». Предисловие и комментарии Г. Ласкина, стр. 150—154. М. 1890.

⁵ «Залески Одесского об-ва истории и древностей». Т. 5, стр. 828. Одесса. 1863.

крайней мере путешественник Герберштейн, на основании русских источников, сообщает, что кабардино-черкесы — «христиане, управляются своими законами, в исповедании и обрядах сходятся с греками, богослужение отправляют на языке славянском, на нём же и говорят»⁶.

Кабардинцы оказали упорное вооружённое сопротивление турецко-крымской экспансии. По свидетельству того же Герберштейна, кабардинцы не признавали над собою власти турецко-крымских завоевателей и вели с ними непримиримую борьбу. Венецианский посол Ванченсо Алессандро рассказывает, что в 1572 г. кабардинцы на 24 лодках причалили к турецкому берегу Чёрного моря, ограбили население, разорили турецкие виноградники, перебили много народу, захватили в плен женщин, забрали много ценных товаров. Вскоре после этого кабардинцы вновь предприняли поход на Трапезунд, но были встречены высланными султаном Селимом турецкими войсками на шести галерах и были вынуждены вернуться обратно.

Борьба кабардинского народа против турецко-крымских агрессоров длилась с переменным успехом на протяжении почти всего XVI века. Сопротивление кабардинцев было сломлено численно превосходившими, хорошо вооружёнными силами противника.

Успеху оружия турецко-крымских завоевателей способствовала феодальная раздробленность Кабарды. В описываемый период Кабарда делилась на множество феодальных княжеств, каждое из них управлялось своим удельным князем, в руках которого сосредоточивалась вся власть. Удельный князь, или пши, пользовался исключительным правом объявления войны и заключения мира. Права пши над зависимыми крестьянами были неограниченны, а его личность была неприкосновенна.

За кабардинскими удельными князьями следовало шесть разрядов средних и мелкопоместных дворян, находившихся в вассальной зависимости от князей.

В экономическом отношении княжеский удел представлял собой самодовлеющее, замкнутое хозяйство, находившееся в очень слабой связи с внешним миром.

Постоянная вражда кабардинских удельных князей между собой ослабляла борьбу против иноземных захватчиков. Часть феодалов ориентировалась на турецко-крымских завоевателей, при помощи которых она рассчитывала осуществить свои групповые интересы.

В первой половине XVI в. в результате внутренней борьбы кабардинские феодалы разделились на три враждебных группы: Восточную, куда вошли феодалы Малой и части Большой Кабарды, Баксанскую, куда вошли феодалы западной части Большой Кабарды, и Закубанскую, или Бесланию⁷.

Закубанская группа кабардинских феодалов ориентировалась на Крым и Турцию. Не случаен поэтому тот факт, что Беслания, или Бесленей, ещё в XVI в. становится исходным пунктом турецко-крымской агрессии на территории Кабарды. Бесленевские феодалы в вооружённой борьбе против феодальных группировок, ориентированных на Россию, опирались на турецких султанов и крымских ханов. Часто турецко-крымские войска появлялись в Беслании, откуда предпринимали свои опустошительные набеги против непокорных районов Кабарды.

Предательская роль бесленевских феодалов способствовала установлению над кабардинской землёй турецко-крымского гнёта. Турецкие султаны обложили кабардинское население тяжёлой данью. Взимали эту дань по поручению султанов крымские ханы. Ежегодно сборщики дани

⁶ Герберштейн С. «Записки о Московии», перевод с латинского издания 1556 г. И. Анонимова, стр. 153. СПб. 1866.

⁷ Кокнев Г. «К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов». «Учёные записки» Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. II, стр. 76—77. М. 1930.

приезжали в Кабарду и угоняли громадные табуны лошадей, крупного рогатого скота и сотни людей⁸. Каждому вновь вступившему на престол хану кабардинцы обязаны были доставить 300 мальчиков и девочек⁹. Эта цифра систематически повышалась крымскими ханами. Хан Селим-Гирей (1577—1584) требовал от кабардинцев 700 мальчиков и девочек, а его преемник, хан Каплан-Гирей, по свидетельству османского историка Фундуклулу, требовал 3 тыс. ясырей¹⁰. Когда же кабардинцы отказались от уплаты непосильной дани, хан Каплан-Гирей направил в Кабарду 30-тысячную армию крымских татар, которая была полностью уничтожена кабардинцами. Однако это не прекратило дальнейших набегов крымских ханов на Кабарду.

Турецко-крымские насильники подвергали население Кабарды неслыханным унижениям и оскорблениям. Кабардинский князь Кургок-Атажукип обратился к крымскому хану Бахта-Гирею с просьбой облегчить участь приданного непомерно высокой данью населения Кабарды. Когда князь доложил свою просьбу, хан сказал: «Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот возьми!» С этими словами он высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя Атажукипа. «Ступай и объяви своему народу о моей милости»¹¹.

Для получения причитавшейся с кабардинцев дани «посылался ежегодно полномочной из Крыму в Кабарду, которого должно было богато трактовать, и он имел вольность и с своею свитою забавляться их жёнами и дочерьми, сколько ему потребно было»¹².

Успеху оружия внешних поработителей кабардинской земли способствовала непрерывная междоусобная борьба князей. «Сами князья были причиной бедствий своей родины. Спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноземникам»¹³.

Говоря о тяжёлых последствиях феодальной раздробленности Кабарды и княжеских междоусобий, которые привели страну к политическому и экономическому упадку, Ш. Ногмов отмечает, что в XVI в. Кабарда «представляла вид рассеянного военного стана, где каждый, ополчаясь, охранял своё имущество вооружённой рукой» и что «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды»¹⁴.

Внешние и внутренние политические условия Кабарды XVI в. властно требовали объединения всех сил кабардинского народа. Инициатором политического объединения феодально раздробленной Кабарды явился известный кабардинский удельный князь Темрюк Идарович. В целях сплочения раздробленных феодальных частей в одно политическое целое он отстранил князей от управления уделами и заставил их служить за жалование центральной княжеской власти¹⁵.

К этому же времени относится проведение в Кабарде некоторых судебных реформ. Были учреждены так называемые третейские суды, в состав которых входили избираемые ежегодно представители от наро-

⁸ «Терские ведомости» № 97 за 1894 год.

⁹ Смирнов «Крымское ханство», стр. 348. СПб. 1887.

¹⁰ «Записки Одесского об-ва истории и древностей». Т. II, стр. 161. Одесса. 1884; стр. Пейсонель. Т. II. Ч. 2-я, стр. 316.

¹¹ Рукопись Александра Мисостова, хранящаяся в рукописном отделе библиотеки АН СССР № 49, л. 182.

¹² Чулков М. «Историческое описание Российской коммерции». Т. II. Кн. 2-я, стр. 457. М. 1735.

¹³ Ногмов Ш. «История адыгейского народа», стр. 97. Тифлис. 1861.

¹⁴ Там же, стр. 98.

¹⁵ Государственный архив древних актов (ГАДА). Кабардинские дела за 1748 год. Д. 11, л. 1.

да. Вопросы, касавшиеся всего кабардинского народа, а также жалобы членов суда разбирались в «верховном суде», руководимом удельным князем. За неисполнение установленных удельным князем узаконений и за нарушение народных обычаев были введены штрафы. За преступление против отечества и кабардинского народа князья лишались княжеского звания и изгонялись за пределы Кабарды.

Мероприятия князя Темрюка Идаровича, стремившегося к ликвидации феодальной раздробленности и созданию централизованной княжеской власти, были, несомненно, прогрессивными.

О прогрессивной роли централизованной княжеской власти в период феодальной раздробленности и внутрикняжеских междоусобий Ф. Энгельс писал, «что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»¹⁶. Мероприятия Темрюка Идаровича укрепляли обороноспособность Кабарды в борьбе с внешними врагами.

Политика князя Темрюка Идаровича, как и надо было ожидать, встретила сильное сопротивление со стороны ущемлённых в своих политических и экономических правах кабардинских феодальных князей, значительная часть которых не только ориентировалась на турецких султанов и крымских ханов, но нередко приводила их в Кабарду для борьбы против центральной княжеской власти.

В процессе борьбы с внутренней оппозицией, смыкавшейся с турецко-крымской агрессивней, умный и дальновидный князь Темрюк Идарович понял, что собственными силами, без помощи извне, ему не справиться с турецко-крымскими захватчиками и их агентурой внутри Кабарды. Поэтому он придавал большое значение установлению тесных политических связей с Московским государством, при помощи которого он рассчитывал покончить с внешними и внутренними врагами кабардинской земли.

Московское государство, заинтересованное в расширении и укреплении своего влияния на Северном Кавказе, охотно шло на сближение с Кабардой, имевшей большое культурно-политическое влияние на другие горские народы.

Первое кабардинское посольство было отправлено в Москву князем Темрюком Идаровичем в 1552 году. В состав этого посольства входили кабардинские князья Маашук, Иван Езбузлуков и Танашук.

Князь Темрюк Идарович просил царя Ивана IV принять кабардинский народ в своё подданство и построить на кабардинской земле военные укрепления против турецко-крымских насильников, обещая за это «служить всякие государевы службы и к крымскому, турскому и шевкальскому не пристанут»¹⁷.

За этим первым посольством в Москву последовали другие. Основным мотивом посольских наказов была просьба, «чтобы государь вступился в них, а их с землями взял к себе в холопы и от крымского оборонил»¹⁸.

В 1563 г., по просьбе князя Темрюка Идаровича, Иван Грозный заложил на берегу реки Терек крепость Терки, которая в 1571 г. была разрушена по требованию турецкого султана Селима и крымского хана Девлет-Гирея.

Однако в 1577 г. крепость Терки, по просьбе кабардинских князей, вновь была восстановлена московским воеводой Лукианом Новосильце-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 445.

¹⁷ «Русский архив». Т. II, стр. 150—154. М. 1913.

¹⁸ Карамзин Н. «История Государства Российского». Кн. 2-я. Т. VIII, примечание 116. СПб. 1842.

вым. Одновременно Иван Грозный отправил в Кабарду грамоту, в которой говорилось: «Приходили к нам от вас и ото всех черкасские земли бити челом... чтоб нам вас и оберегать ото всех ваших недругов и город быти вам нам пожаловати на Терке, реке Усть-Суюнчи поставити и воеводу моего и людей с огненным боем к вам послати, как вам в том городе от ваших недрузей можно быти бесстрашными. И вы б вычетчи нашу жалованную грамоту, у воеводы нашего были в нашем жалованье и прямилите есте нам и служили о всем по тому, как в нашей жалованной большой грамоте за золотою печатью писано»¹⁹. А в грамоте этой было написано, чтобы «всем черкесам и тамошним людям... мимо всех смотрите на государя и быти от государя неотступными»²⁰.

Турция и Крым категорически потребовали от Москвы разрушить построенную на Терке крепость, угрожая в противном случае повредить дипломатические отношения. «И мы слышали, — писал тогда крымский хан Девлет-Гирей Ивану Грозному, — что еси прислал людей тысячи две—три, да на Терке город поставил, того для промыслил еси, чтоб шевкальскую землю и черкасскую изневолить. А шевкальцы — мусульмане, а при отцах и при дедех наших от тех мест и по ся места меж нас с ними ссылка живёт, а люди к нам ходят, а наши люди к ним ходят, в дружбе и любви ведёмся. А черкесы ханскому величеству и нам подручны, и тем городом хочешь ты отлучити. И похочешь дружбы и мир, и ты тот город вели снести, а не похочешь так, и ты бы наших послов отпустил, и мы бы твоих отпустили. Так бы еси ведал: меж нас боле того ссылки не будет. Кому что ни даст бог милосердный — даст, и мы за свой сором учнём стоять»²¹.

Ультиматум крымского хана, за спиной которого стояла султанская Турция, был предметом специального обсуждения Боярской думы, в решении которой было записано: «А о городе на Терке отписати, что государь Темрюка князя пожаловал, взял у него дочь его за себя, и многие черкесы-недрузи его досады ему делают, и царь для недругов его и город велел поставити»²².

Кабарда сделалась ареной борьбы между Россией и Турцией, борьбы, длившейся не менее трёх столетий. В продолжение этого времени каждое из названных государств стремилось превратить Кабарду в зависимую страну и использовать её в этой борьбе. Таким образом, чем «в Европе была Польша, тем в Азии была Кабарда — слабая страна, находящаяся между двумя сильными влияниями — русским и турецко-крымским»²³.

В результате постройки военных крепостей на территории Кабарды влияние Московского государства на Северном Кавказе, и в особенности в Кабарде, усилилось ещё более.

В усилении влияния Московского государства среди горских народов крупную роль сыграло терское воеводство, состоявшее из московских и кабардинских ратных людей. Представители последних часто приезжали в Терки по торговым делам.

Установившиеся при Иване IV политические связи Кабарды с Московским государством укреплялись различными методами. Не последнее место среди них занимало аманатство, сыгравшее для Кабарды большую культурную роль. В 1553—1557 гг. в Москве в качестве аманатов находились и учились в Кремлёвском дворце русской грамоте сыновья кабардинских князей Кудадек и Султанук, названные после крещения

¹⁹ Белокуров С. «Сношения России с Кавказом», стр. 9. М. 1889.

²⁰ Там же, стр. 18.

²¹ Крымский статистический список № 13, лл. 68, 87.

²² Там же. № 10, л. 52.

²³ Соловьёв С. «История России». Кн. VI. Т. 26—29. стр. 76.

первый Александром, второй Михаилом²⁴. В качестве аманатов в Москве находились восемь человек из числа братьев и ближайших родственников князя Темрюка Идаровича. Впоследствии они стали русскими боярами²⁵.

Московские бояре Кудашевы, Мансуровы, Алеуковы, Черкасские и Бековичи-Черкасские по происхождению были кабардинцами. Все они попали в Москву в качестве аманатов, воспитывались при царском дворе и благодаря своим личным качествам были приравнены к русскому боярству.

Многие из кабардинских аманатов, хотя и оставались навсегда в Московском государстве, но не порывали связи со своей родиной. В этом отношении показателен пример князя Александра Бековича-Черкасского²⁶, игравшего большую роль в налаживании сношений России с восточными странами в период царствования Петра I. Бекович-Черкасский пользовался большим влиянием среди кабардинских князей. Под его влиянием кабардинские князья в 1714 г. приняли присягу в верности Петру I, а в 1717 г. снарядили специальный отряд от кабардинцев, который принимал участие в руководимой Бековичем-Черкасским хивинской экспедиции Петра I.

В деле культурно-политического сближения Кабарды с Московским государством большое значение имело распространение среди кабардинцев христианства. В XVI в. Московское государство направляло в Кабарду православных миссионеров, которые «приобрели многих последователей христианства, и на высотах Кавказских частью возобновили и очистили древние храмы, а частью соорудили новые»²⁷.

Православная миссионерская пропаганда имела наибольший успех среди князей и крестьян Малой Кабарды. Объясняется это тем, что малокабардинские князья не в состоянии были противостоять агрессии бесленеевских князей, поддерживаемых Крымом и Турцией, и искали помощи у Московского государства.

В Западной Кабарде, или в Беслании, пропаганду православного христианства приходилось вести в весьма сложных условиях. Если в Малой Кабарде православие столкнулось с дохристианскими верованиями кабардинцев, то в Беслании, находившейся уже к половине XVI в. под турецко-крымским гнетом, пришлось вести неравную борьбу с исламом, который огнём и мечом насаждался крымскими ханами среди населения.

В связи с польско-шведской интервенцией влияние Московского государства на Северном Кавказе ослабло, в то время как политическое влияние Турции и Крыма усилилось. Православное христианство в Ка-

²⁴ Карамзин И. Указ. соч. Кн. 2. Т. VIII, стр. 140.

²⁵ «Северная пчела» № 99, прим. 9. М. 1850.

²⁶ Александр Бекович-Черкасский происходил из известного кабардинского княжеского рода Джамбулатовых, из фамилии Бекмурзиных. Кабардинское его имя было Девлет-Гирей. Ещё в детстве он попал аманатом в Москву, принял крещение и был назван Александром. Бекович — значит «потомок древних беков», а Черкасский — значит «из земли Черкасской». Бекович-Черкасский был послан Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении в Россию Пётр I приблизил Черкасского к себе и способствовал его женитьбе на княжне Марии Борисовне Голицыной. Тогда же Черкасский был произведён в чин капитана гвардии. В 1717 г. Черкасский возглавлял хивинскую экспедицию и погиб в Хивинском ханстве.

²⁷ Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г., стр. 140. Тифлис. 1887. И в настоящее время можно видеть развалины христианских церквей, построенных при Иване IV московскими миссионерами, в Малой Кабарде, в окрестностях древних городищ Татартуй и Джулата. На стенах церквей сохранилась церковная живопись, исполненная московскими мастерами. В этих церквах московские миссионеры крестили преимущественно кабардинских крестьян. Что касается князей, то они предпочитали креститься в Москве, так как принятие крещения в Москве было связано с получением богатых подарков от царя, офицерского чина и других привилегий и наград. Этот обычай среди кабардинских князей получил особенное распространение в первой половине XVII в., когда Кабарда уже формально признала себя вассальной Московского государства.

барде было разгромлено крымскими ханами. «В эту эпоху,—пишет Ногмов,—многие шогены (священники.— Г. К.) были убиты, книги их сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены, от чего произошла следующая поговорка: «Чтоб твоё имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы»²⁸. Таким образом, в Кабарде православное христианство уступило место религии турецко-крымских завоевателей—мусульманству.

Введение христианства в Кабарде следует рассматривать как прогрессивное явление, способствовавшее укреплению культурных связей и политическому сближению Кабарды с Московским государством.

Важную роль в деле укрепления и дальнейшего развития установившихся между Кабардой и Московским государством политических сношений играли и родственные связи. Известно, что в 1561 г. Иван IV вторым браком женился на дочери крупного кабардинского удельного князя Темрюка Идаровича — Марии²⁹. Мария Темрюковна скончалась 1 сентября 1569 г. и была похоронена в московском Вознесенском девичьем монастыре.

В оценке брака Ивана Грозного с Марией Темрюковной нельзя не согласиться с Броневским, который писал, что «сей поступок—были он следствием пристрастия или политических вычетов—произвёл по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, тюменских и таманских черкесов, которые в походах царя Ивана Васильевича на Лифляндию, Польшу и против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками, и храбростию, им свойственною, много способствовали его победам»³⁰. Действительно, кабардинцы в царствование Ивана IV стали принимать активное участие в предпринимаемых Московским государством военных походах. При завоевании городов Тамани и Темрюка в октябре 1556 г. кабардинцы составляли головной отряд в рядах русских войск под командой князя Вишневецкого³¹. В следующем году кабардинцы вместе с русскими войсками под начальством М. В. Глинского принимали участие в Ливонской войне Ивана IV³², а в 1558 г. отличились при взятии города Мильтена и осаде города Дергта, под которым была наголову разбита немецкая конница, пытавшаяся сделать вылазку из осаждённого города³³.

Московское государство высоко ценило верную службу Кабарды и оказывало ей всемерную поддержку и покровительство. Пользуясь поддержкой Московского государства, князь Темрюк Идарович распространил своё влияние почти на всю Северокавказскую равнину—от берегов Кубани до устьев Терека. Он владел всеми северокавказскими торговыми путями, сосредоточив в своих руках значительную часть поступающих от них доходов.

К этому же времени относятся расширение связей Кабарды с другими народами и распространение её политического влияния на соседние горские народности, в частности на осетин, феодальная верхушка которых вынуждена была признать свою вассальную зависимость от кабардинских князей³⁴.

²⁸ Ногмов Ш. Указ. соч., стр. 46.

²⁹ Брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной нашёл своё отражение в русских народных песнях, одна из которых записана около 100 лет назад в Архангельской губернии. См. «Отечественные записки». Т. 130, кн. 5—6 за 1860 г., стр. 70.

³⁰ Броневский С. «Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе». Т. II, стр. 80. М. 1823.

³¹ Карамзин Н. Указ. соч. Кн. 2-я. Т. VIII, стр. 155 и прим. 471.

³² Соловьёв С. Указ. соч. Т. VI, стр. 132. 3-е изд.

³³ Потто В. «Два века терского казачества». Т. I, стр. 8. Владикавказ. 1912.

³⁴ Исольство Столяника Толочанова и дьяка Исвелова в Имеретию в 1650—1652 гг., стр. 119, 120. Тифлис. 1926.

III. Ногмов о сближении Кабарды с Москвой пишет, что кабардинский «народ был обрадован союзом и покровительством России»³⁵. О стародавних дружественных отношениях Кабарды с Московским государством до нас дошла весьма распространённая в кабардинском народе поговорка: «Тхъэ иуэ пащтыхь Иван хэту», что значит: «Клянусь именем царя Ивана»³⁶.

Установившиеся между Кабардой и Московским государством политические связи укрепились и при преемниках Ивана Грозного. Царь Фёдор Иванович продолжил политику Ивана Грозного в отношении Кабарды. Он приказал построить в Кабарде две крепости «для защиты исконных холопей» Московского государства от иноземных насильников. Одна из этих крепостей была построена на правом рукаве Терека — Тюменке, при впадении её в Каспийское море, и называлась Тюменским городом, а другая была построена при устье реки Сунжи и называлась Сунженским городом.

В январе 1588 г. в Москву прибыло кабардинское посольство во главе с князьями Мамстрюком и Кудадеком, которые били челом царю Фёдору Ивановичу, чтобы их «государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своём государеве жалованье во обороне от их недругов по тому же как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его, государев... великой государь, царь и великий князь Иван Васильевич; а они государю учнут служить всякие государевы службы, где государь велит, и к иному государю, к крымскому и турецкому и шевкальскому не пристанут»³⁷.

В ответ на челобитную кабардинского посольства царь Фёдор Иванович «всех черкасских князей и всю черкасскую кабардинскую землю пожаловал под свою царскую руку, в оборону взял по тому ж, как их жаловал, держал в своём государеве жалованье отец его Иван Васильевич всея Руси, и грамоту им свою государеву з золотою печатью дати велел»³⁸.

Согласно полученным полномочиям, кабардинские послы Мамстрюк и Кудадек приняли присягу в верности царю Фёдору Ивановичу. Они поклялись защищать интересы Московского государства «всею кабардинскою землёю».

Фёдор Иванович повелел кабардинским князьям «служить в Терском городе и стоять на всякого недруга за один с воеводами нашими и где вам велит итти на свою царскую службу на которого нашего недруга, и вам детей своих и племянников с ратными людьми посылать, сколько с нами ратным людям итти велит, и прямить к нашему царскому величеству и служить с нашими воеводами и стояти на всякого нашего недруга о всём по тому, как в сей нашей царской жалованной грамоте писано»³⁹.

Таким образом, 1588 год является знаменательной датой для истории Кабарды: кабардинская земля с этого времени стала считаться вотчиной Московского государства, а царь Фёдор Иванович стал титуловаться «государем земли Иверской грузинских царей и Кабардинской земли черкасских и горских князей»⁴⁰.

Переход Кабарды в подданство Московского государства был положительным для неё фактором. В лице Московского государства Кабарда приобрела сильного и могущественного покровителя и защитника.

³⁵ Ногмов Ш. Указ. соч., стр. 108.

³⁶ Там же.

³⁷ Белокуров С. Указ. соч., стр. 45.

³⁸ Там же, стр. 46.

³⁹ Там же, стр. 51.

⁴⁰ Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVI, стр. 250. М. 1791, ср. Карамзин Н. Указ. соч., Т. X, стр. 40 и прим. 115.

Подданство Кабарды Московскому государству имело для неё также большое культурно-политическое значение, определившее её дальнейшую историческую судьбу.

Однако кабардинское посольство 1588 г. не выражало общего мнения всей кабардинской земли: оно отражало действительное настроение князей Большой и Малой Кабарды, но не представляло Закубанской Кабарды, или Беслани, всё ещё оставшейся под турецко-крымским гнётом.

Борьбу двух основных княжеских групп в Кабарде, одна из которых ориентировалась на Московское государство, другая — на Крым и Турцию, правильно подметили римские послы — барон Августин Мейерберг и Гораций Вильгельм Кальвуччи, предпринявшие в 1661 г. свою поездку в Москву к Алексею Михайловичу. На основании личных наблюдений, они пришли к выводу, что царь Алексей Михайлович «совсем не вправе называться государем... Кабардинской области, лежащей при Азовском море и населённой ордою или сборищем татар, подвластных жестокому турецкому игу», и, напротив, «государем черкасских князей называется он по праву»⁴¹. При этом территорией расселения черкасских князей они называли пространство «от берегов Каспийского моря до Кавказских гор» — подданную и дружественную Московскому государству Большую и Малую Кабарду.

Однако и внутри Большой и Малой Кабарды оставались отдельные враждебные московской ориентации элементы, возглавляемые князьями Саулохом и Алхазом, против которых сторонники Московского государства в 1589 г. просили Фёдора Ивановича прислать «своих государевых воинских людей стрельцов и казаков воевати государевых непослушников черкас, которые государю не прямят и не служат»⁴².

Просьба кабардинских князей была удовлетворена. Царь Фёдор Иванович направил в Кабарду 750 московских ратных людей под командой Гришки Полтева. Это была первая военная экспедиция, отправленная Московским государством в Кабарду.

Экспедиция Полтева со своим заданием справилась успешно. Существенную помощь экспедиции оказал кабардинский князь Янсох Асланбекович, который для совместных действий против ополчников Московского государства со своими ратными людьми присоединился к отряду Полтева. Был разгромлен и сожжён удел князя Алхаза. Основной удар был направлен, однако, против главного мятежника — князя Саулоха, у которого «выжгли и вывоевали кабаков с 30 и больши», в результате чего князь Саулох «с своими детьми и с уздени вышел к Григорью Полтеву пеш и бил челом, чтоб его не воевали, и он государю хочет служить, и заклад бы у него взял, кого хотят»⁴³.

Князь Янсох Асланбекович в 1590 г. за свою верную службу был признан Московским государством князем над всей кабардинской землей, о чём ему была послана жалованная грамота за золотой печатью⁴⁴. В результате экспедиции Полтева московские ратные люди и кабардинские князья совместными действиями разгромили противников московской ориентации, и «кабардинскую землю всею под государеву руку привели», после чего «вся Кабарда стала в единстве»⁴⁵.

Кабардинские князья на деле доказывали свою преданность Московскому государству. Они не раз выступали против внешних врагов Московского государства. Кабардинский князь Мамстрюк, по предложению царя Фёдора Ивановича, в 1591 г. принимал активное участие в по-

⁴¹ «Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи к Алексею Михайловичу в 1661 году», стр. 163—164. М. 1874.

⁴² Белокуров С. Указ. соч., стр. 84.

⁴³ Там же, стр. 183.

⁴⁴ Труды Ставропольской архивной комиссии. 1910 г. Вып. 2-й, стр. 3.

⁴⁵ Белокуров С. Указ. соч., стр. 122.

ходе против непокорного Шамхала Тарковского. Фёдор Иванович высоко ценил роль князя Мамстрюка и жаловал его за верную службу.

Дружественные отношения между Кабардой и Московским государством ещё более укрепились в следующем, XVII веке.

В 1603 г. в Москву прибыло кабардинское посольство в составе внука князя Темрюка Идаровича — Сюнчелея Янгальчева, — князя Саулоха и князя Шепшукова. Сюнчелей Янгальчев бил челом Борису Годуну «о своих нуждах, чтоб его царь Борис пожаловал, велел ему жити в Терском городе», построенном при царе Фёдоре Ивановиче. Борис Годунов кабардинских послов принял очень ласково, выслушал их внимательно и, удовлетворив просьбу Сюнчелея, отпустил послов на родину с богатыми подарками.

Кабардинский мурза Сюнчелей Янгальчев был одним из самых преданных Московскому государству политических деятелей Кабарды. Он сыграл весьма видную роль в борьбе Москвы против польско-шведских интервентов.

События, развернувшиеся в Московском государстве в начале XVII в., для кабардинских князей были неожиданными, и они не сразу могли в них разобраться.

Когда первый самозванец завладел московским престолом, кабардинский мурза Сюнчелей Янгальчев в сопровождении десяти кабардинских узденей, орудного мурзы Батой Шахмурзина, двух черкесов и терского новокрещённого Максими поехал 12 ноября 1605 г. в Москву «с поздравлением Лжедмитрия о принятии Российского престола».

За время своего пребывания в Москве мурза Сюнчелей успел лично познакомиться с Лжедмитрием I и несколько разобраться в московских событиях.

После вступления на московский престол Василия Шуйского кабардинские князья во главе с князем Саулохом отправили в Москву посла Кардана. Но Кардан до Москвы не доехал: он был схвачен казаками под Тулой. Казаки отобрали у Кардана челобитную князя Саулоха, а самого привели к тушинскому вору. При отступлении тушинского вора к Калуге Кардан тоже вынужден был отступить с ним. А когда самозванца убили, Кардан перебежал к Проконию Ляпунову, который отправил его в Казань.

По вступлении на царство Михаила Фёдоровича воевода И. М. Воротынский отправил Кардана в Москву, где он был с большими почестями принят новым царём. В сентябре 1615 г. Кардан с царской грамотой на имя кабардинских князей вернулся на родину.

Осенью 1613 г. в Астрахань прибыли И. Д. Заруцкий и вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек для поднятия астраханских, волжских, терских, яцких казаков и горцев Северного Кавказа против Москвы. Тогда мурза Сюнчелей Янгальчев, командовавший кабардинскими ратными людьми и терско-гребенскими казаками, посоветовавшись с воеводой Петром Головиным, решил отправиться к Ивану Заруцкому и Марине Мнишек, чтобы убедиться лично, действительно ли именующий себя супругом Мнишек есть Лжедмитрий I, с которым он был знаком. «Из Терки-де и в Астрахань к вору Заруцкому приезжал Сюнчелей горской с окочены, и жил-де и у вора с неделю да поехал на Терек, а для чего приезжал, того не ведомо»⁴⁶.

О чём говорил Заруцкий с мурзой Сюнчелеем и что последний отвечал ему, к сожалению, неизвестно. Но несомненно одно: Сюнчелей убедился, что Заруцкий — сторонник польских интервентов и враг Москвы.

По возвращении в крепость Терки Сюнчелей настоял перед терским воеводой Петром Головиным на том, чтобы отправить против Заруцкого

⁴⁶ Акты исторические. Т. III, стр. 411. СПб. 1841.

вооружённые силы. А когда Иван Заруцкий потребовал к себе воеводу Петра Головина для наказания за неисполнение приказа выслать ему ратных людей, кабардинские служилые люди, которыми командовал мурза Сюнчелей, ответили ему: «Али вы хотите сделать то же с Петром, что сделали с князем Хворостининым? Не быть нам с вами в воровском совете»⁴⁷.

Заруцкому стало ясно, что ему нечего рассчитывать на поддержку терско-гребенских казаков и служилых кабардинцев терского воеводства. В 1614 г. Заруцкий сделал ещё одну попытку поднять против Москвы терско-гребенских казаков и кабардинцев. С этой целью он прислал в Большую Кабарду Михалку Чёрного, но на Сухой Борозде, в 20 верстах от крепости Терки, Михалка был схвачен кабардинцами и приведён в Терки.

Терский воевода Пётр Головин «с миром того Михалка на пытке пытал», после чего Михалка выдал Головину все планы Заруцкого. Он сообщил, что Заруцкий «на велик день хочет быть на Терек, Петра Головина и многих людей казнить, а его, Михалка, послал поднять кабардинских князей и черкес итти на Русь войной»⁴⁸.

Получив сведения о планах Заруцкого, терский воевода Пётр Головин и мурза Сюнчелей отправили против Заруцкого вооружённый отряд из 500 казаков и кабардинцев под командой стрелецкого головы Василия Хохлова. Василий Хохлов во главе казачье-кабардинского отряда «стал над ворами поиск чинить», а когда подошёл к Самаре, дал знать о своём прибытии воеводе князю Дмитрию Пожарскому⁴⁹.

Преследуя отряды Заруцкого, кабардинцы совместно с терско-гребенскими казаками не раз одерживали победу. Так, в результате одного крупного сражения на берегу Каспийского моря они многих из отряда Заруцкого «живыми поймали, а иных в воде потопили»⁵⁰. В одном из боёв было захвачено в плен свыше 160 человек из разгромленного отряда Заруцкого, сам же Заруцкий и Марина Мнишек с сыном спаслись на Медвежьем острове. 15 июня 1614 г. они были схвачены и отправлены в Москву, где Заруцкий и сын Марины Мнишек были казнены, а Марина заточена в одну из башен Коломны.

Таким образом, кабардинцы верно служили Московскому государству и с оружием в руках защищали его от иноземных врагов. Они добросовестно выполнили данную в присутствии боярского сына Смагина клятву «служити великому князю Михаилу Фёдоровичу до своего живота и быть под его высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным», обещая «с воров Ивашкой Заруцким и с Маринкою и с сыном её ни на которое дурно не ссылатись и хотя они учнут нам присылать и наговаривать на которое дурно — и нам того не слушати, а где будет паша мочь, — и нам над ними и над ворами, которые государю непослушны, промышляти... и везде над ними поиск чинить»⁵¹.

Свою преданность Московскому государству кабардинские князья вновь подтвердили в челобитной от 10 июня 1614 г., в которой писали, что они «судзени своими и с черкасы и с окоцкими людьми и с новокрещены служат государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Руси на Терке всякие государевы терские и кумыцкие и кабардинские службы, и на заставах на отъезжих караулах стоят с городскими людьми вместе»⁵².

Московское государство попрежнему высоко ценило преданность и верную службу кабардинских князей и в свою очередь оказывало им по-

⁴⁷ Акты исторические. Т. III, стр. 257.

⁴⁸ Собрание государственных грамот и договоров (СГГ и Д). Т. III, № 20.

⁴⁹ «Русский архив». Т. II, стр. 163. М. 1913.

⁵⁰ Там же, стр. 164.

⁵¹ ПАДА. Кабардинские дела за 1614 г., д. № 3, грамота № 4.

⁵² Акты исторические. Т. III, стр. 21—22. СПб. 1841.

кровительство и возможную помощь в условиях сложной международной политической обстановки XVI—XVII вв. Оно вело дипломатическую борьбу с Турцией и Крымом по кабардинскому вопросу, строило на важных стратегических пунктах военные укрепления против турок и татар, наконец, предоставляло экономические льготы и ограждало политические права кабардинских князей.

После изгнания польских интервентов с Русской земли мурза Сюнчелей обратился к Михаилу Фёдоровичу с пространной челобитной, в которой он, указав на верную службу кабардинской земли Московскому государству, подчеркнул выдающуюся роль Кабарды в изгнании с русской земли польско-шведских интервентов. «Из давних лет,— писал Сюнчелей в своей челобитной,— дед и отец мой и весь род наш служили деду твоему Ивану Васильевичу и дяде твоему Фёдору Ивановичу и всем московским государям. И как по грехам была в Российском государстве многая смута и междоусобная брань и вотчина твоя государева город Астрахань царю Василию изменила, от него отложила в воровство,— а я, холоп твой, в то время был в твоём государеве вотчине на Терке и терских людей от такого воровства удержал и их вору, которого они называли царским именем, креста целовать не велел. А как милости божьим Московское государство от польских и литовских людей и от ложных царей очистилось и избрали всею землею на Московское государство государем,— и мы, холопи твои, тому обрадовались и хотим тебе служить и прямити свыше прежних великих государей»⁵³.

В ответ Михаил Фёдорович отправил мурзе Сюнчелею благодарственную грамоту с обещанием царского жалования за то, что он «в то смутное время ни к какому нашему недругу не пристал и воровской смуте Ивашки Заруцкого не поверил»⁵⁴. А через короткое время из Москвы в Терки прибыл дворянин Д. С. Погожев с «государевым жалованным словом и с жалованьем золотыми». В присутствии терского воеводы Головина, мурзы Сюнчелей и других кабардинских и кумыкских князей, собравшихся в «съезжей избе» Погожев сказал от имени царя Михаила Фёдоровича: «А ты бы, воевода, князь Пётр Петрович и Сюнчелей Янгальчев... как есте начали нам, великому государю, служить, так бы и содержали нам служили и прямили и над воров Ивашкой Заруцким и над Маринкой с сыном промышляли неослабно, сколько вам милосердный бог подаст. И ты, Сюнчелей Янгальчев, был под нашею царскою высокою рукою навеки неотступным. А мы, великий государь, вас учнём жаловати и держати в нашем царском жалованьи свыше прежнего и учнём к вам присылать с нашим жалованьем ежегодно беспереводно... наша царская милость будет к вам неперемenna»⁵⁵.

В следующем, 1615 г. специальной грамотой Михаила Фёдоровича Сюнчелей был награждён «княжым именем да быти над окочены надо всеми и над черкасы, которые великому государю служат на Терке, князем»⁵⁶.

В конце 1615 г. кабардинские князья Сюнчелей, Куденет и Шегенук ездили в Москву, чтобы лично засвидетельствовать царю Михаилу Фёдоровичу свою преданность, и были приняты царём в январе 1616 года.

Большую роль сыграл князь Сюнчелей в сплочении горских народов вокруг Москвы. Он призывал кабардинских и дагестанских князей служить Московскому государству. После вступления на московский престол Михаила Фёдоровича князь Сюнчелей разослал по всей Кабарде и Дагестану воззвание о подданстве московскому царю. В результате возвания Сюнчелей казикумухские князья Гирей и Алибек, карабулак-

⁵³ Белокуров С. Указ. соч., стр. 556—557.

⁵⁴ «Русский архив». Т. II, стр. 107. М. 1913.

⁵⁵ ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., кор. 2, д. № 5.

⁵⁶ «Русский архив». Т. II, стр. 107. М. 1913.

ский князь Сурхай, тарковский князь Мамет Ханмурза и кабардинские князья Салох, Казымурза Шегенуков, Айтек Мурса Алхасов и Мурда-Мурза со своими узденями, братьями и родственниками «по своей вере принесли присягу, шертовали и государю служат и прямят»⁵⁷.

В XVII в. по примеру Кабарды стали по разным мотивам добиваться подданства и покровительства Московского государства и другие горские народы. Первыми заявили о своём желании принять подданство Москвы осетины, которые при помощи своего сюзерена хотели освободиться от феодально-вассальной зависимости Кабарды. Представители осетинских феодалов Смаил и Чибирка заявили московским посланцам Толочанову и Иевлеву, следовавшим в 1650 г. в Имеретию, что «только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроить, и они де горцы и все горские люди будут ево государевы холопы, и что дают черкасским мурзам ясак, и тот ясак учнут давать московскому государю»⁵⁸.

Однако во избежание осложнений в отношениях с влиятельной в то время Кабардой Московское государство в XVII в. уклонилось от принятия в подданство Осетии. Только в XVIII в. Россия в связи с Кучук-Кайнарджийским трактатом 1774 г. (по которому Кабарда отошла к России) приступила к разрешению осетинского вопроса.

Политическое влияние Московского государства в Кабарде настолько упрочилось в XVII в., что можно было приступить к экономическому освоению кабардинской земли. Началом экономического освоения Кабарды можно считать посылку из Московского государства в Кабарду геолого-разведочной экспедиции.

В начале второй четверти XVII в. кабардинский князь Пшимахо Комбулатович Черкасский от имени кабардинских князей отправил в Москву гонца Каншау-мурзу Битемуркова просить Михаила Фёдоровича прислать в Кабарду специалистов для исследования обнаруженных в Кабарде серебряной и медной руд. Заинтересовавшись предложением кабардинских князей, царь приказал отправить в Кабарду «немецкого рудознатца и золотознатца именем Самуила Фрича, и с ним вместе лозохотца или рудокопца Ивана Геральда»⁵⁹.

Московская геолого-разведочная экспедиция прибыла в Кабарду 21 августа 1628 года. Руководство экспедицией было возложено на терских воевод, князей И. А. Дашкова и Б. Г. Приклонского, которые несли ответственность за экспедицию перед московским правительством.

В 1629 году экспедиция вернулась в Москву. Результаты её были доложены Михаилу Фёдоровичу, который повелел разработать подробный план эксплуатации горнорудных богатств Кабарды.

В XVIII в. южные пределы русского государства пришли в непосредственное соприкосновение с территорией Кабарды. Кавказская военная линия, заложенная в 1711 г. у устья р. Терек, шла на запад по течению рек Терека и Кубани, а в конце века была доведена до берегов Азовского моря. Вдоль кордонной линии закладывались военные укрепления, сыгравшие весьма важную роль в дальнейшем колониальном наступлении России на Северный Кавказ.

В 1736 г. была заложена крепость Кизляр, а в 1763 г. к западу от Кизляра, тоже на кордонной линии, была заложена, уже на самой территории Кабарды, крепость Моздок. Затем шли крепости Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь и ряд других.

⁵⁷ ГАДА. Кабардинские дела за 1614 г., д. № 2.

⁵⁸ Посольство Столаника Толочанова, стр. 120.

⁵⁹ Гамель И. «Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 году, по приказанию царя Михаила Фёдоровича для отыскания серебряной руды», стр. 37. СПб. 1829.

На протяжении всего XVIII в. на Северном Кавказе Россия была занята строительством кавказской военной линии и военных укреплений, и почти никаких наступательных операций в глубь горских земель в целях территориальных захватов она не производила. Тем не менее была совершенно очевидна колониальная направленность всех мероприятий царской России.

В XVIII в., в связи с усилением политического влияния России среди горских народов, в русско-турецких отношениях весьма остро стал кабардинский вопрос. Несмотря на стародавние связи Кабарды с Московским государством, подданства и покровительства которого она так долго и упорно добивалась, Турция не хотела уступить её России. Поэтому в первой половине XVIII в. между Россией и Турцией началась острая дипломатическая борьба за обладание Кабардой. Оба государства наводняли Кабарду тайными агентами и шпионами, которые подкупали и вербовали сторонников среди наиболее влиятельных кабардинских князей. «О состоянии и поступках и намерениях тех горских владельцев, — говорится в секретном указе Сената кизлярскому коменданту Красногоровцеву, — непрестанно с крайним прилежанием как чрез посылки туда в их владения из живущих при Кизляре и по Терку военных способных к тому людей под приличным претекст, т. е. под образом купечества с ихними нуждами, тако ж и чрез употребление туда ж частию посылкою шпионов, подлинно выведать. Секретно указом нашим объявить, дабы кабардинские князья на пересылки с турецкой стороны крымцов и кубанцов к горским владельцам прилежно смотрели и чрез всякие способы подлинно разведывали и извести присылали, какие оным от турок и татар предложени и внушени чинятся о склонении их к соединению с кубанцами против нас. Весьма нужно посылающих ис Крыма с писмами перенять, чтоб с того можно было намерение и соглашение со обеих сторон совершенно ведать. Тех пересылаемых людей с писмами поймать и оных на Кизляр скрытно препроводить. Для лучшего их, кабардинцов, к тому побуждения послать к ним наперёд из имеющейся в Кизляре нашей казны пристойное число в подарок денгами или какими вещами»⁶⁰.

Крым и Турция зорко следили за поведением кабардинских князей и старались предупредить малейшие с их стороны попытки к сближению с Россией. «Чего ради вы Московского государя войску пристав, наших подданных кубанских жителей разорили и войска их разбили, — писал турецкий султан кабардинским князьям, — для чего вы на своего государя и на веру свою руку подняли? Ныне вы придите и принесите повинную и отпустится ваше прегрешение и неразоритесь до конца и во всякой будете милости. А буде того не учините и в нашей воле не будете, князей ваших и узденей ни едина душа не спасётся»⁶¹.

В 1732 г. особенно остро стал вопрос о том, кому владеть Кабардой — России или Турции. Русский посланник в Константинополе Неплюев, оказавшись в затруднительном положении, запрашивал своё правительство о том, как ему вести себя по кабардинскому вопросу, «именно, как о Большой Кабарде объявить, и как давно Малая Кабарда находится под русским покровительством... чтоб мог Порте обстоятельно доказать и тем ложные ханские донесения опровергнуть»⁶². Одновременно он предупреждал своё правительство, что «кабардинское дело большое беспокойство принесёт, если Россия захочет присвоить себе Большую Кабарду», вернее Бесланию, в которой, как уже указывалось, турецко-крымское влияние было сильнее, чем русское.

⁶⁰ Ленинградский центральный исторический архив, ф. правительствующего Сената за 1737 г., Кн. 104-я, л. 1035—1036.

⁶¹ ГАДА. Кабардинские дела за 1711 г., д. № 1.

⁶² Соловьёв С. Указ. соч. Т. XX, стр. 1231.

Пока между Неплюевым и Петербургом шла переписка, наместник крымского хана на Кубани Нуреддин-султан готовился со своими войсками к вступлению в Кабарду.

Узнав о планах Нуреддин-султана, Неплюев от имени своего правительства решительно заявил, что при первом движении турецко-крымских войск русские войска немедленно будут введены в Кабарду для её защиты. Создавалась весьма напряжённая обстановка, готовая вылиться в войну между Россией и Турцией. Вскоре, однако, Неплюеву стало известно через подкупленного турецкого чиновника, что турецкое правительство дало распоряжение крымскому хану «не подавать ни малейшего повода к ссоре с Россией, с которой дружба теперь очень нужна Порте», а потому было решено «в Кабарду войск не посылать, в таком случае и русские войска туда не пойдут»⁶³.

Через короткое время, однако, турецкое правительство вновь без каких-либо оснований стало доказывать, что Кабарда издавна принадлежит крымскому ханству. «Донесите вашей государыне, — заявила Турция Неплюеву, — чтоб она в Кабарду мешаться не изволила, потому что она всегда принадлежала крымскому хану, и Порта не уступит Кабарды, до чего б ни дошло»⁶⁴.

Известно, как Крым силою оружия поработил Закубанскую Кабарду, или Бесланию, составлявшую весьма незначительную часть Кабарды, вступившей в подданство Московского государства ещё при царе Фёдоре Ивановиче.

Чувствуя неосновательность выдвинутого «довода», Турция попыталась «обосновать» свои захватнические планы в Кабарде соображениями «государственной чести». «Хотя Кабарда и небольшой важности, — заявило турецкое правительство Неплюеву, — но честь государственная запрещает уступить свою землю»⁶⁵. На это Неплюев дал достойный ответ турецкому правительству. «Если Порта хочет ссоры, — заявил Неплюев, — то можно её начать и без Кабарды. Что же касается государственной чести, то она одинакова как у русского, так и у оттоманского государства, и моя императрица не может отступить от своих прав, для защиты которых способы найдутся»⁶⁶.

Россия твёрдо решила не уступать Кабарды ни Турции, ни Крыму, которые не имели на неё никаких прав. Кабарда в то время для России имела весьма важное стратегическое значение. Территория Кабарды разъединяла собою враждебных России крымских татар и дагестанских шамхалов, объединённые силы которых могли бы поставить под угрозу южные пределы России. Вот почему был прав Неплюев, который категорически настаивал перед Елизаветой Петровной, что «Кабарду уступать нельзя, и этим отворить дверь татарам в Дагестан»⁶⁷.

По вопросу о необходимости присоединения Кабарды к России в тогдашних политических кругах не было двух мнений. Было совершенно ясно, что, присоединив Кабарду, территория которой разъединяла Крым с Дагестаном, Россия получала возможность создать сильный заслон против турецко-крымских агрессоров и непосредственно влиять на дела других горских народов, полностью или частично находившихся в зависимости от Кабарды. «Надобно заблаговременно, — писал князь Долгорукий, — всех как Малой, так и Большой Кабарды владельцев в наше протекцию и приласкать их определением жалованья», так как «весьма нам надлежит Большую и Малую Кабарду склонить в нашу порцию ради двух причин: первая — от турок и крымцов, другая для

⁶³ Соловьёв С. Указ. соч. Т. XX, стр. 1233.

⁶⁴ Там же, стр. 1315.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 1322.

страху дагестанцам, понеже у кабардинцов с дагестанцами натуральная недружба»⁶⁸.

Кабардинский вопрос между Россией и Турцией не был разрешён мирным путём: он разрешился в результате русско-турецкой войны 1735—1739 годов. По заключённому между Россией и Турцией в 1739 г. Белградскому мирному трактату, Кабарда была признана «суверенной».

В шестом артикуле Белградского мирного трактата о Кабарде было написано: «Быть тем Кобардам вольным и не быть под владением ни одного ни другого империя, но токмо за бариеру между обоими империями служить имеют и что и от другой стороны — блистательной Порты туркам и татарам во оные не вступатца и оных не беспокоивать, такожде и от всероссийской империи оные в покое оставлены будут, но что однакоже, по древнему обыкновению, браны будут во всероссийскую империю от тех кабардинцов для спокойного их пребывания аманаты, и Оттоманской Порте також позволяется для такой же притчины брать от них таких же аманатов, и ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать»⁶⁹.

Таким образом, хотя Кабарда, по Белградскому трактату, формально была признана независимой, фактически же эта независимость оказалась для неё фикцией, так как и у Турции и у России в отношении Кабарды руки попрежнему оставались развязанными. «Хотя по-настоящему между всероссийской империей и блистательной Портой трактату,— писал граф Воронцов,— Кабарда и кабардинский народ и оставлен вольным и за бариеру между обеими империями, однакоже обеим сторонам за продерзости дозволено их и наказывать, и потому собственная кабардинского народа польза требует, чтоб они никаких уже и причин не подавали к употреблению строгих против их мер как российской, так и турецкой стороне»⁷⁰.

Кабарда сделалась ареной интриг и скрытой политической борьбы между Россией и Турцией. Оба государства присылали в Кабарду своих тайных агентов и секретные письма, которые распространялись среди кабардинских князей. По поручению турецкого султана, крымский хан Девлег-Гирей в 1760 г. в секретном письме на имя кабардинских князей Асланбека, Кувадбека, Эльбиздукбека и узденей Исмаилова, Сахашева, Кудунетова и Ватамова писал, чтобы им «стараться общим соглашением передать святельной Порте и Крыму, следуя правилам мусульманского закона»⁷¹.

Несмотря на то что «независимость» Кабарды, по Белградскому мирному трактату, оказалась для неё фикцией, трактат этот всё же сыграл некоторую положительную роль для внутренней истории Кабарды: он дал возможность Кабарде укрепить и расширить своё политическое влияние среди горских народностей. Правда, некоторые горские племена и до Белградского трактата находились в полной или частичной зависимости от Кабарды, но трактат признанием Кабарды суверенной как бы санкционировал за ней свободу действий среди этих народностей.

Ко времени действия Белградского трактата относится распространение кабардинских поселений на Северокавказской равнине, начиная от Кубани на западе и кончая Дарьяльским ушьем на востоке.

Однако существование независимой Кабарды в непосредственном соседстве с Россией было политически невыгодно для последней. Поэтому вся дальнейшая политика России на Северном Кавказе в отношении

⁶⁸ ГАДА. Кабардинские дела за 1559—1748 гг., св. I, кор. I, д. № 1, л. 86—87.

⁶⁹ ГАДА. Кабардинские дела за 1739 г., д. № 2, ср. Полное собрание законов Российской империи. Т. X, стр. 899—901.

⁷⁰ ГАДА. Осетинские дела за 1760—1765 годы. Письмо графа Воронцова кабардинским князьям.

⁷¹ ГАДА. Кабардинские дела за 1760 г., д. № 10.

Кабарды была направлена к ликвидации Белградского мирного трактата 1739 г. и к безусловному обладанию Кабардой.

Поставленной цели Россия добилась в результате русско-турецкой войны 1768 г., заключением Кучук-Кайнарджийского мирного трактата 1774 г., по 21-му артикулу которого «Большая и Малая Кабарды остались в точном подданстве её императорского величества»⁷². Белградский мирный трактат 1739 г. был таким образом аннулирован Кучук-Кайнарджийским трактатом, и вся дальнейшая политика России в отношении Кабарды теперь проводилась без учёта международных обязательств, предусмотренных русско-турецкими трактатами и конвенциями, заключёнными до 1774 года. «Во время настоящее, — писала коллегия иностранных дел после заключения Кучук-Кайнарджийского трактата, — когда кабардинцы, по переменявшимся обстоятельствам всего тамошнего края, и сами принадлежат действительно к подданству здешнего императорского скипетра, всякие, в рассуждении их нозые меры, свободны уже от зависимости соглашения с Портой и Крымом»⁷³.

Официальной датой окончательного разрешения кабардинского вопроса в русско-турецких отношениях и политического присоединения Кабарды к России следует считать 1774 г., когда Россия получила свободу действий на Северном Кавказе.

⁷² ГАДА. Осетинские дела за 1767—1774 годы, д. № 3.

⁷³ Материалы по истории Осетии. Т. I, стр. 300. Орджони. 1934.